
ШЕРЛОК ХОУМС
Алая надпись
Сэр Артур Конан Дойл
RACHE
18+

Артур Дойл
Шерлок Хоумс Алая надпись

https://litres.ru/74622843
SelfPub; 2026

Аннотация

«Алая надпись» — первый роман Артура Конан Дойла о Шерлоке Хоумсе, повествующий об их знакомстве с доктором Ватсоном и совместном расследовании загадочного убийства в Лондоне, корни которого уходят в драматическое прошлое штата Юта.

Содержание

Часть первая	4
Глава I. Мистер Шерлок Хоумс	5
Глава II. Наука дедукции	18
Глава III. Загадка Лористон-Гарденс	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Шерлок Хоумс
Алая надпись

Часть первая

Перепечатка из воспоминаний доктора медицины капитана Джона Х. Ватсона, бывшего сотрудника армейской медицинской службы.

Глава I. Мистер Шерлок Хоумс

В 1878 году я получил степень доктора медицины в Лондонском университете, после чего отправился в Нетли, чтобы пройти курс подготовки, предписанный для военных хирургов. Завершив там обучение, я был надлежащим образом зачислен в Пятый Нортумберлендский фузилёрный полк в качестве младшего хирурга. В то время полк находился в Индии, и прежде, чем я успел к нему присоединиться, началась вторая афганская война. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой корпус уже прошёл через горные перевалы и углубился далеко на территорию противника. Тем не менее я последовал за ним вместе со многими другими офицерами, оказавшимися в таком же положении, как и я, и благополучно добрался до Кандагара, где обнаружил свой полк и немедленно приступил к исполнению новых обязанностей.

Кампания принесла многим почести и повышение по службе, но мне она сулила лишь несчастья и беды. Меня перевели из моей бригады в Беркширский полк, вместе с которым я участвовал в роковой битве при Майванде. Там пуля из джезайла - афганского старинного мушкета угодила мне в плечо, раздробила кость и задела подключичную артерию. Я непременно попал бы в руки кровожадных газиев, если бы не преданность и отвага моего денщика Мюррея, который перекинул меня через спину вьючной лошади и сумел бла-

гополучно доставить к британским позициям.

Измученный болью и ослабевший от продолжительных лишений, которые мне пришлось перенести, я вместе с большой колонной раненых страдальцев был отправлен в главный военный госпиталь в Пешаваре. Там я начал поправляться и уже настолько окреп, что мог ходить по палатам и даже немного греться на солнце на веранде, когда меня свалила кишечная лихорадка — настоящее проклятие наших индийских владений. Несколько месяцев моя жизнь висела на волоске, и, когда я наконец пришёл в себя и начал выздоравливать, я был настолько слаб и истощён, что медицинская комиссия постановила: нельзя терять ни дня, необходимо отправить меня обратно в Англию. Соответственно, меня посадили на военный транспорт «Оронтес», и месяц спустя я сошёл на пристань в Портсмуте. Здоровье моё было непоправимо подорвано, однако заботливое правительство разрешило мне посвятить следующие девять месяцев попыткам его восстановить.

В Англии у меня не было ни родных, ни близких, и потому я был свободен как ветер — или, по крайней мере, настолько свободен, насколько это позволял доход в одиннадцать шиллингов и шесть пенсов в день. В таких обстоятельствах меня, естественно, потянуло в Лондон — эту огромную выгребную яму, куда неудержимо стекаются все бездельники и праздношатающиеся со всей империи. Некоторое время я прожил в частной гостинице на Стрэнде, влача неуютное и бессмыс-

ленное существование и расходуя имевшиеся у меня деньги куда свободнее, чем следовало. Моё финансовое положение стало настолько тревожным, что вскоре я понял: мне придётся либо покинуть столицу и поселиться где-нибудь в сельской глуши, либо полностью изменить образ жизни. Выбрав второй вариант, я решил прежде всего съехать из гостиницы и подыскать себе жильё поскромнее и подешевле.

В тот самый день, когда я принял это решение, я стоял у стойки бара «Критерион», как вдруг кто-то похлопал меня по плечу. Обернувшись, я узнал молодого Стэмфорда, который когда-то был моим помощником в хирургическом отделении больницы Бартса. Для одинокого человека встреча со знакомым лицом в огромной лондонской пустыне — поистине большое удовольствие. В прежние времена Стэмфорд никогда не был мне особенно близким приятелем, но теперь я горячо приветствовал его, и он, в свою очередь, казалось, был искренне рад меня видеть. Переполняемый радостью, я пригласил его пообедать со мной в «Холборне», и мы вместе отправились туда в кэбе.

— Да что же вы с собой сделали, Ватсон? — спросил он с нескрываемым изумлением, пока мы тряслись по оживлённым лондонским улицам. — Вы худой как щепка и коричневый, как орех!

Я вкратце рассказал ему о своих приключениях и едва закончил рассказ, как мы добрались до места.

— Бедняга! — с сочувствием произнёс он, выслушав мои

злоключения. — Чем вы теперь собираетесь заниматься?

— Ищу жильё, — ответил я. — Пытаюсь выяснить, можно ли найти удобные комнаты за приемлемую цену.

— Вот странно, — заметил мой спутник. — Вы сегодня уже второй человек, который употребляет при мне это выражение.

— А кто был первым? — спросил я.

— Один малый, работающий в химической лаборатории при госпитале. Сегодня утром он жаловался, что никак не может найти человека, который согласился бы разделить с ним расходы на хорошие комнаты, которые он присмотрел, но которые ему одному не по карману.

— Чёрт побери! — воскликнул я. — Если ему действительно нужен кто-нибудь, чтобы делить жильё и расходы, то я именно тот, кто ему требуется. Я предпочёл бы жить с компаньоном, а не в одиночестве.

Молодой Стэмфорд как-то странно посмотрел на меня поверх бокала.

— Вы ещё не знакомы с Шерлоком Хоумсом, — сказал он. — Возможно, вам не понравится постоянно находиться рядом с ним.

— Почему? Что с ним не так?

— Да я не говорил, что с ним что-то не так. Просто у него несколько своеобразные взгляды — он увлечён некоторыми областями науки. Насколько мне известно, в остальном он вполне порядочный человек.

— Полагаю, студент-медик? — спросил я.

— Нет, понятия не имею, чем он намерен заниматься. Думаю, анатомию он знает превосходно, а как химик он просто первоклассный специалист. Но, насколько мне известно, он никогда не посещал систематического курса медицинских занятий. Учится он бессистемно и весьма эксцентрично, зато накопил массу необычных знаний, которые поразили бы его профессоров.

— Вы никогда не спрашивали, чем он собирается заниматься? — поинтересовался я.

— Нет. Он не из тех людей, из которых легко вытянуть хоть слово, хотя порой, когда ему вздумается, он бывает весьма разговорчив.

— Мне хотелось бы с ним познакомиться, — сказал я. — Если уж мне предстоит жить с кем-то под одной крышей, я предпочёл бы человека с учёными интересами и спокойными привычками. Я ещё недостаточно окреп, чтобы выдерживать много шума и волнений. В Афганистане мне досталось и того и другого столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Как я могу встретиться с вашим знакомым?

— Он наверняка будет в лаборатории, — ответил мой спутник. — То неделями туда не заглядывает, то работает там с утра до вечера. Если хотите, после обеда можем заехать туда вместе.

— Разумеется, — ответил я, и разговор перешёл на другие темы.

Когда после посещения «Холборна» мы направились к госпиталю, Стэмфорд сообщил мне ещё несколько подробностей о человеке, с которым я собирался поселиться.

— Только не вините меня, если вы не поладите, — сказал он. — Я знаю о нём больше того, что узнал при случайных встречах в лаборатории. Это вы предложили такую договорённость, так что не возлагайте на меня ответственность.

— Если мы не сойдёмся характерами, расстаться будет нетрудно, — ответил я. Затем, пристально посмотрев на спутника, добавил: — Знаете, Стэмфорд, мне кажется, у вас есть причина заранее снимать с себя всякую ответственность. У этого человека настолько скверный характер или что-то ещё? Не ходите вокруг да около.

— Невозможно выразить то, для чего нет слов, — ответил он со смехом. — Хоумс чересчур увлечён наукой для моего вкуса — порой это граничит с полным бесчувствием. Я вполне могу представить, как он даст приятелю щепотку какого-нибудь новейшего растительного алкалоида — не из злого умысла, разумеется, а просто из исследовательского любопытства, чтобы точно установить его действие. И, справедливости ради, думаю, он с такой же готовностью испытал бы его на себе. Похоже, он страстно стремится к определённому и точному знанию.

— И правильно делает.

— Да, но и здесь можно зайти слишком далеко. Когда дело доходит до того, что он колотит палкой тела в анатомическом

театре, это, пожалуй, принимает довольно странный оборот.

— Колотит тела?!

— Именно. Проверяет, насколько сильные кровоподтёки можно вызвать после смерти. Я собственными глазами видел, как он этим занимался.

— И всё же вы утверждаете, что он не студент-медик?

— Нет. Одному Богу известно, каковы цели его занятий. Но вот мы и пришли. Теперь вам придётся составить собственное мнение о нём.

Говоря это, мы свернули в узкий переулок и прошли через небольшую боковую дверь, которая вела в одно из крыльев большого госпиталя. Место было мне знакомо, поэтому я не нуждался в проводнике. Мы поднялись по унылой каменной лестнице и двинулись по длинному коридору, вдоль которого тянулась белёная стена с тускло-коричневыми дверями. Ближе к дальнему концу от коридора ответвлялся низкий арочный проход, ведущий в химическую лабораторию.

Это была просторная, высокая комната, заставленная и увешанная бесчисленными бутылками. По всему помещению стояли широкие низкие столы, ощетинившиеся ретортами, пробирками и маленькими горелками Бунзена с мерцающими голубыми язычками пламени. В комнате находился всего один студент. Он склонился над дальним столом, целиком поглощённый работой. Услышав наши шаги, он оглянулся и вскочил на ноги, радостно вскрикнув.

— Нашёл! Нашёл! — закричал он моему спутнику и бро-

сился к нам с пробиркой в руке. — Я нашёл реагент, который даёт осадок при взаимодействии с гемоглобином и ни с чем другим!

Если бы он открыл золотую жилу, его лицо не могло бы выражать большего восторга.

— Доктор Ватсон, мистер Шерлок Хоумс, — представил нас друг другу Стэмфорд.

— Как поживаете? — сердечно произнёс Хоумс и сжал мне руку с такой силой, какой я от него никак не ожидал. — Вы, как я вижу, побывали в Афганистане.

— Откуда, чёрт возьми, вы это узнали? — изумлённо спросил я.

— Неважно, — ответил он, посмеиваясь про себя. — Сейчас речь о гемоглобине. Вы, конечно, понимаете, какое значение имеет моё открытие?

— С химической точки зрения оно, несомненно, интересно, — ответил я, — но с практической…

— Да ведь это самое важное открытие в судебной медицине за последние годы! Разве вы не понимаете, что теперь у нас есть безошибочный способ обнаруживать пятна крови? Идите-ка сюда!

В своём нетерпении он схватил меня за рукав и подвёл к столу, за которым работал.

— Нам понадобится свежая кровь, — сказал он, вонзив в палец длинное шило и собрав выступившую каплю в химическую пипетку. — Теперь я добавлю это небольшое коли-

чество крови в литр воды. Видите, получившаяся смесь выглядит как чистая вода. Доля крови здесь не превышает одной миллионной. И всё же я не сомневаюсь, что нам удастся получить характерную реакцию.

С этими словами он бросил в сосуд несколько белых кристаллов, а затем добавил несколько капель прозрачной жидкости. В тот же миг содержимое приобрело тусклый красновато-коричневый оттенок, напоминающий красное дерево, и на дно стеклянного сосуда выпал буроватый осадок.

— Ха-ха! — воскликнул он, хлопая в ладоши и радуясь, словно ребёнок, получивший новую игрушку. — Ну что вы об этом скажете?

— Похоже, это чрезвычайно чувствительная проба, — заметил я.

— Великолепно! Просто великолепно! Старый гваяковый тест был весьма грубым и ненадёжным. То же самое можно сказать и о микроскопическом исследовании кровяных телец. Последнее совершенно бесполезно, если пятнам уже несколько часов. А этот способ, судя по всему, действует одинаково хорошо и со старой, и со свежей кровью. Если бы такую пробу изобрели раньше, сотни людей, которые сейчас ходят по земле, давно понесли бы наказание за свои преступления.

— Неужели? — пробормотал я.

— Уголовные дела постоянно зависят от этого единственного обстоятельства. Человека подозревают в преступлении,

совершённом, возможно, несколько месяцев назад. Исследуют его бельё или одежду и обнаруживают на них буроватые пятна. Но что это — кровь, грязь, ржавчина, фруктовый сок или что-то ещё? Этот вопрос ставил в тупик не одного эксперта. И почему? Потому что не существовало надёжного способа проверки. Теперь у нас есть проба Шерлока Хоумса, и подобные трудности останутся в прошлом.

Пока он говорил, глаза его буквально сверкали. Он приложил руку к груди и поклонился, словно перед воображаемой толпой, осыпавшей его аплодисментами.

— Вас можно поздравить, — заметил я, немало удивлённый его восторгом.

— Вспомните дело фон Бишофа во Франкфурте в прошлом году. Его наверняка повесили бы, если бы тогда существовала эта проба. Затем было дело Мейсона из Брэдфорда, печально известного Мюллера, Лефевра из Монпелье и Самсона из Нового Орлеана. Я мог бы назвать два десятка дел, в которых это открытие сыграло бы решающую роль.

— Вы ходячий календарь преступлений, — рассмеялся Стэмфорд. — Вам следовало бы выпускать газету на эту тему. Назовите её «Преступления прошлого».

— Из этого могло бы получиться весьма занимательное чтение, — заметил Шерлок Хоумс, заклеивая маленьким кусочком пластыря укол на пальце. — Мне приходится быть осторожным, — продолжил он с улыбкой, повернувшись ко мне, — ведь я довольно часто экспериментирую с ядами.

Он протянул руку, и я заметил, что она вся покрыта похожими кусочками пластыря, а кожа обесцвечена едкими кислотами.

— Мы пришли сюда по делу, — сказал Стэмфорд, усаживаясь на высокий трёхногий табурет и подталкивая ногой другой в мою сторону. — Мой друг ищет жильё, а вы жаловались, что никак не можете найти человека, который разделил бы с вами расходы. Я решил, что вам стоит познакомиться.

Шерлок Хоумс, похоже, чрезвычайно обрадовался перспективе разделить со мной жильё.

— Я присмотрел квартиру на Бейкер-стрит, — сказал он, — которая нам обоим подойдёт как нельзя лучше. Надеюсь, вас не раздражает запах крепкого табака?

— Я сам предпочитаю крепкий корабельный табак, — ответил я.

— Прекрасно. У меня обычно повсюду расставлены химикаты, и время от времени я провожу опыты. Это вас не побеспокоит?

— Нисколько.

— Посмотрим… Какие ещё у меня недостатки? Временами на меня находит хандра, и я могу не раскрывать рта по нескольку дней подряд. Не подумайте, что я сержусь, когда такое случается. Просто оставьте меня в покое, и скоро всё пройдёт. А теперь что вы можете рассказать о себе? Двум людям лучше узнать худшее друг о друге прежде, чем начи-

нать жить вместе.

Я рассмеялся, услышав этот допрос.

— У меня есть молодой бульдог, — сказал я. — Я не выношу шума, потому что мои нервы расшатаны. Встаю я в самые неподходящие часы и к тому же ужасно ленив. Когда я здоров, у меня есть и другие пороки, но пока что это главные.

— А игру на скрипке вы тоже относите к шуму? — с беспокойством спросил он.

— Всё зависит от исполнителя, — ответил я. — Хорошая игра на скрипке — услада для богов, а плохая…

— Ну, тогда всё в порядке! — весело рассмеялся он. — Думаю, вопрос можно считать решённым, если, конечно, сами комнаты вам понравятся.

— Когда мы сможем их посмотреть?

— Приходите сюда завтра ровно в полдень, и мы вместе отправимся туда и обо всём договоримся, — ответил он.

— Договорились. Ровно в полдень, — сказал я, пожимая ему руку.

Мы оставили его за работой среди химикатов и вместе направились к моей гостинице.

— Кстати, — внезапно спросил я, остановившись и повернувшись к Стэмфорду, — как, чёрт побери, он догадался, что я приехал из Афганистана?

Мой спутник загадочно улыбнулся.

— В этом и заключается его маленькая особенность, — сказал он. — Многие пытались понять, откуда он всё узнаёт.

— Вот как! Значит, загадка? — воскликнул я, потирая руки. — Как это любопытно! Большое спасибо, что познакомили нас. «Самый достойный предмет изучения для человечества — сам человек», как известно.

— Тогда изучайте его, — сказал Стэмфорд, прощаясь со мной. — Только учтите: задачка вам досталась непростая. Готов поспорить, что он узнает о вас куда больше, чем вы о нём. До свидания.

— До свидания, — ответил я и отправился в гостиницу, весьма заинтригованный новым знакомством.

Глава II. Наука дедукции

На следующий день мы встретились в назначенное им время и осмотрели комнаты под номером 221Б на Бейкер-стрит, о которых он упоминал при нашей первой встрече. Они состояли из двух уютных спален и одной большой, светлой гостиной с двумя широкими окнами, благодаря которым помещение было наполнено светом и выглядело приветливо. Во всех отношениях квартира оказалась настолько привлекательной, а плата за неё при разделении между нами — настолько умеренной, что мы заключили сделку прямо на месте и немедленно въехали. В тот же вечер я перевёз свои вещи из гостиницы, а на следующее утро за мной последовал Шерлок Хоумс, привезя несколько ящиков и дорожных сундуков. День или два мы усердно занимались распаковкой и размещением нашего имущества наилучшим образом. Покончив с этим, мы постепенно освоились и начали привыкать к новому окружению.

Хоумс, безусловно, оказался человеком, с которым было нетрудно жить. Он держался спокойно, а его привычки отличались завидной регулярностью. После десяти вечера он почти никогда не бодрствовал, зато неизменно успевал позавтракать и выйти из дома прежде, чем я вставал по утрам. Иногда он проводил день в химической лаборатории, иногда — в анатомическом театре, а порой отправлялся на дол-

гие прогулки, которые, судя по всему, заводили его в самые неблагополучные кварталы Сити. Когда на него находил рабочий порыв, его энергии не было предела, однако время от времени наступал обратный период, и тогда он целыми днями лежал на диване в гостиной, почти не произнося ни слова и не шевеля ни единым мускулом с утра до вечера. В такие минуты взгляд его становился настолько мечтательным и отсутствующим, что я мог бы заподозрить его в пристрастии к каким-нибудь наркотическим средствам, если бы воздержанность и безупречная чистоплотность всей его жизни не исключали подобного предположения.

С каждой неделей мой интерес к нему и любопытство относительно жизненных целей моего соседа постепенно углублялись и усиливались. Его внешность сама по себе привлекала внимание даже самого невнимательного наблюдателя. Ростом он был чуть выше шести футов, а из-за крайней худобы казался ещё выше. Глаза его отличались проницательностью и остротой, за исключением тех периодов оцепенения, о которых я уже упоминал. Тонкий нос, напоминавший клюв хищной птицы, придавал всему его лицу выражение настороженности и решительности. Подбородок, выступающий и квадратный, также выдавал человека твёрдого характера. Руки его постоянно были испачканы чернилами и покрыты следами химических веществ, однако при этом он обладал необычайно тонким осязанием. Мне не раз доводилось убеждаться в этом, наблюдая, с какой осторожностью

он обращался со своими хрупкими научными приборами.

Читатель, вероятно, сочтёт меня неисправимым любопытствующим, если я признаюсь, насколько сильно этот человек возбуждал моё любопытство и как часто я пытался преодолеть его скрытность во всём, что касалось собственной персоны. Однако, прежде чем выносить мне приговор, прошу вспомнить, насколько бесцельной была моя жизнь и как мало в ней находилось того, что могло бы занять моё внимание. Здоровье не позволяло мне выходить из дома, если только погода не была на редкость благоприятной, а друзей, которые могли бы навестить меня и нарушить однообразие моих будней, у меня не было. В подобных обстоятельствах я с жадностью ухватился за небольшую тайну, окружавшую моего соседа, и проводил немало времени, пытаясь её разгадать.

Медицину он не изучал. В ответ на мой вопрос он сам подтвердил мнение Стэмфорда по этому поводу. Не похоже было и на то, чтобы он прошёл какой-либо курс обучения, который мог бы подготовить его к получению научной степени или открыть ему путь в мир учёных через иное общепризнанное учебное заведение. И всё же его усердие в некоторых областях знания было поразительным, а в пределах своих причудливых интересов он обладал столь обширными и подробными сведениями, что его наблюдения не раз приводили меня в полнейшее изумление. Разве стал бы человек трудиться с таким усердием и добиваться столь точных знаний, не имея перед собой определённой цели? Люди, чита-

ющие обо всём понемногу и без системы, редко отличаются точностью познаний. Никто не станет загромождать свой ум мелочами без весьма веской причины.

Его невежество было столь же поразительным, как и его эрудиция. В современной литературе, философии и политике он, казалось, разбирался чуть ли не меньше всех. Когда я процитировал Томаса Карлейля, он с самым простодушным видом поинтересовался, кто это такой и чем он прославился. Но настоящее моё изумление достигло предела, когда случайно выяснилось, что Хоумс ничего не знает о теории Коперника и устройстве Солнечной системы. Мне казалось невероятным, чтобы любой цивилизованный человек в нашем девятнадцатом столетии не знал, что Земля вращается вокруг Солнца. Я едва мог поверить в подобное.

— Вы, кажется, удивлены, — сказал он, улыбнувшись при виде моего изумления. — Теперь, когда мне это известно, я постараюсь сделать всё возможное, чтобы забыть данное обстоятельство.

— Забыть?!

— Видите ли, — пояснил он, — я считаю, что человеческий мозг изначально похож на маленькую пустую чердачную комнату, которую человек обставляет по собственному выбору. Глупец тащит туда всякий хлам, какой только попадётся ему на глаза, и в результате полезные знания оказываются вытеснены или, в лучшем случае, перемешиваются с массой ненужных сведений, так что потом их трудно отыс-

кать. А умелый работник тщательно следит за тем, что помещает в свой чердак. Он хранит там только те инструменты, которые могут пригодиться ему в работе, зато набор их у него обширен, и все они содержатся в идеальном порядке. Ошибочно думать, будто стены этой маленькой комнаты эластичны и способны растягиваться до бесконечности. Можете мне поверить: наступает момент, когда каждое новое знание заставляет вас забыть что-нибудь из того, что вы знали прежде. Поэтому крайне важно не позволять бесполезным фактам вытеснять полезные.

— Но ведь Солнечная система! — возразил я.

— Да какое мне, чёрт побери, до неё дело? — нетерпеливо перебил он. — Вы говорите, что мы вращаемся вокруг Солнца. Если бы мы вращались вокруг Луны, для меня и моей работы это не стоило бы ни гроша.

Я уже собирался спросить, что же это за работа, но что-то в его манере держаться подсказало мне, что такой вопрос будет ему неприятен. И всё же я задумался над нашим коротким разговором и попытался сделать из него собственные выводы. Он заявил, что не станет приобретать знаний, не имеющих отношения к его цели. Следовательно, всё, что ему было известно, должно было приносить ему какую-то пользу. Я мысленно перечислил различные области, в которых он проявил исключительную осведомлённость. Я даже взял карандаш и записал их. Закончив, я не смог удержаться от улыбки, глядя на получившийся список. Он выглядел так:

Шерлок Хоумс — пределы его знаний

1. Литература. Никаких познаний.

2. Философия. Никаких познаний.

3. Астрономия. Никаких познаний.

4. Политика. Слабые познания.

5. Ботаника. Знания непостоянны. Хорошо разбирается в белладонне, опиуме и ядах вообще. Ничего не знает о практическом садоводстве.

6. Геология. Практические, но ограниченные знания. С первого взгляда различает разные виды почвы. Возвращаясь с прогулок, показывал мне брызги грязи на своих брюках и по их цвету и консистенции определял, в какой части Лондона они попали на одежду.

7. Химия. Глубокие познания.

8. Анатомия. Точные, но бессистемные знания.

9. Сенсационная литература. Обширнейшие познания. Кажется, ему известны все подробности каждого чудовищного преступления, совершённого в этом столетии.

10. Хорошо играет на скрипке.

11. Искусный боец на палках, боксёр и фехтовальщик.

12. Хорошо знает британское законодательство на практике.

Дойдя до этого места в своём списке, я в отчаянии бросил его в огонь.

«Если мне удастся понять, к чему стремится этот человек, сопоставив все его способности и обнаружив занятие, для

которого они все необходимы, — сказал я себе, — тогда мне, пожалуй, останется только сразу отказаться от этой затеи».

Выше я уже упоминал о его способностях к игре на скрипке. Они были весьма примечательны, но столь же причудливы, как и все остальные его таланты. Я прекрасно знал, что он способен исполнять музыкальные произведения, в том числе довольно сложные: по моей просьбе он играл для меня несколько песен Мендельсона и другие любимые мелодии. Однако, оставаясь наедине с собой, он редко исполнял какую-либо музыку или пытался сыграть известную мелодию. Вечерами он откидывался в кресле, закрывал глаза и небрежно водил смычком по скрипке, лежавшей у него на коленях. Порой раздавались полнозвучные, печальные аккорды, а иногда — причудливые и весёлые. Несомненно, музыка отражала мысли, владевшие им, но помогала ли она этим мыслям рождаться или же игра была всего лишь прихотью, я определить не мог. Возможно, я не раз восстал бы против этих раздражающих сольных выступлений, если бы обычно он не завершал их целой чередой моих любимых мелодий, исполняемых одна за другой, словно желая хоть немного возместить мне испытание моего терпения.

В течение первой недели или около того нас никто не навещал, и я начал думать, что мой сосед такой же одинокий человек, как и я сам. Однако вскоре выяснилось, что у него множество знакомых, причём из самых разных слоёв общества. Среди них был невысокий, желтоватый субъект с кры-

синим лицом и тёмными глазами, представленный мне как мистер Лестрейд. Он приходил три или четыре раза за одну неделю. Однажды утром к нам заглянула молодая девушка, изысканно одетая, и пробыла у нас около получаса или даже дольше. В тот же день после полудня появился седовласый, потрёпанный на вид посетитель, похожий на еврейского торговца-разносчика. Он казался сильно взволнованным, а следом за ним почти сразу пришла пожилая женщина в небрежной одежде. В другой раз с моим соседом беседовал старый беловолосый джентльмен, а ещё однажды — железнодорожный носильщик в вельветовой форменной одежде.

Когда появлялся кто-нибудь из этих весьма разнородных посетителей, Шерлок Хоумс просил разрешения воспользоваться гостиной, и я удалялся в свою спальню. Он всегда извинялся за доставленные мне неудобства.

— Мне приходится использовать эту комнату для деловых встреч, — объяснял он. — Эти люди — мои клиенты.

У меня снова появилась возможность задать ему прямой вопрос, но деликатность не позволила мне вынуждать другого человека посвящать меня в свои дела. В то время я полагал, что у него есть веская причина не говорить об этом, однако вскоре он сам рассеял мои сомнения, по собственной инициативе заведя разговор на эту тему.

Четвёртого марта — я хорошо помню эту дату — я встал несколько раньше обычного и обнаружил, что Шерлок Хоумс ещё не закончил завтракать. Хозяйка настолько при-

выкла к моему позднему подъёму, что моё место за столом не было приготовлено, а кофе ещё не сварили. Поддавшись свойственной людям неразумной раздражительности, я позвонил в колокольчик и коротко дал понять, что готов завтракать. Затем взял со стола журнал и попытался скоротать время за чтением, пока мой сосед молча жевал тост. Заголовок одной из статей был отмечен карандашом, и я, естественно, начал просматривать её.

Статья носила несколько претенциозное название «Книга жизни» и пыталась доказать, сколь многому наблюдательный человек способен научиться благодаря точному и систематическому изучению всего, что попадается ему на пути. На мой взгляд, она представляла собой удивительную смесь проницательности и нелепости. Рассуждения отличались строгостью и напряжённостью, однако выводы казались мне надуманными и преувеличенными. Автор утверждал, что по мимолётному выражению лица, подёргиванию мышцы или взгляду можно проникнуть в самые сокровенные мысли человека. По его мнению, обман был невозможен, если речь шла о человеке, обученном наблюдению и анализу. Выводы автора были столь же безошибочны, как положения геометрии Евклида. Результаты его метода казались бы настолько поразительными непосвящённым, что те вполне могли бы принять его за колдуна, пока не узнали бы, каким путём он пришёл к своим заключениям.

«По одной капле воды, — писал автор, — логик способен

заключить о возможности существования Атлантического океана или Ниагарского водопада, даже если никогда не видел и не слышал ни о том, ни о другом. Так и вся жизнь представляет собой огромную цепь, природу которой можно понять, увидев всего одно её звено. Как и любое другое искусство, наука дедукции и анализа приобретается лишь долгим и терпеливым изучением. Человеческой жизни недостаточно, чтобы смертный мог достичь в ней высочайшего совершенства. Прежде чем переходить к нравственным и умственным сторонам вопроса, представляющим наибольшие трудности, исследователь должен научиться решать более простые задачи. Встречая другого человека, пусть он с первого взгляда учится определять его прошлое, а также ремесло или профессию, к которой тот принадлежит. Пусть такое упражнение кажется ребяческим, оно оттачивает наблюдательность и учит замечать, куда следует смотреть и что именно искать. По ногтям человека, рукаву его пальто, обуви, коленям брюк, мозолям на указательном и большом пальцах, выражению лица и манжетам рубашки — по каждой из этих деталей можно безошибочно определить его занятие. Почти невозможно представить, чтобы совокупность всех этих признаков не дала ответа человеку, обладающему достаточной наблюдательностью».

— Какая несусветная чепуха! — воскликнул я, шлёпнув журналом по столу. — Никогда в жизни не читал подобной бессмыслицы!

— Что такое? — спросил Шерлок Хоумс.

— Да вот эта статья, — ответил я, указывая на неё ложечкой для яиц, когда уселся завтракать. — Вижу, вы её читали, раз отметили карандашом. Не стану отрицать, написана она бойко. Но меня она раздражает. Очевидно, это теория какого-нибудь кабинетного бездельника, который в уединении своего кабинета придумывает изящные парадоксы. Никакой практической пользы в ней нет. Я бы хотел посмотреть, как его посадят в вагон третьего класса лондонского метро и предложат определить профессии всех пассажиров. Я бы поставил тысячу против одного, что он потерпит неудачу.

— Вы проиграли бы свои деньги, — спокойно заметил Шерлок Хоумс. — Что же касается статьи, то её написал я сам.

— Вы?!

— Да. У меня есть способности к наблюдению и дедукции. Теории, изложенные в статье и кажущиеся вам столь фантастическими, на самом деле чрезвычайно практичны. Настолько практичны, что именно благодаря им я зарабатываю себе на хлеб.

— Но каким образом? — невольно спросил я.

— Видите ли, у меня есть собственная профессия. Полагаю, во всём мире больше никого нет, кто занимался бы тем же самым. Я консультирующий детектив, если вам понятно, что это означает. В Лондоне полно государственных сыщи-

ков и частных детективов. Когда они заходят в тупик, то обращаются ко мне, и я помогаю им выйти на правильный след. Они предоставляют мне все доказательства, а я, опираясь на свои знания истории преступлений, обычно могу направить их в нужную сторону. Между злодеяниями существует заметное семейное сходство, и если вы держите в голове все подробности тысячи преступлений, то было бы странно, если бы не смогли распутать тысячу первое. Лестрейд — известный сыщик. Недавно он совершенно запутался в деле о подделке документов, и именно это привело его сюда.

— А остальные посетители?

— Большей частью их направляют ко мне частные сыскные агентства. Все они попали в какую-то неприятность и хотят получить разъяснения. Я выслушиваю их рассказы, они слушают мои замечания, а затем я кладу в карман свой гонорар.

— Но вы хотите сказать, — произнёс я, — что можете, не выходя из комнаты, распутать дело, которое другие люди не в силах разрешить, хотя сами видели все обстоятельства?

— Совершенно верно. У меня есть своего рода интуиция в подобных вопросах. Время от времени попадаются дела несколько более сложные. Тогда приходится суетиться, выходить из дома и изучать всё собственными глазами. Видите ли, у меня есть немало специальных знаний, которые я применяю к каждому делу и которые удивительно облегчают работу. Правила дедукции, изложенные в статье, вызвавшей

у вас такое презрение, бесценны в моей практической деятельности. Наблюдательность для меня стала второй натурой. Вы, кажется, удивились, когда при нашей первой встрече я сказал, что вы приехали из Афганистана.

— Вам, должно быть, кто-то об этом сообщил.

— Ничего подобного. Я знал, что вы приехали из Афганистана. Благодаря долгой привычке цепочка мыслей пронеслась в моём сознании с такой быстротой, что я пришёл к заключению, даже не заметив промежуточных шагов. Но они, разумеется, были. Рассуждал я следующим образом: «Передо мной джентльмен с внешностью медика, но с осанкой военного. Следовательно, он армейский врач. Он только что вернулся из тропиков: лицо у него смуглое, однако это не естественный цвет кожи, поскольку запястья у него светлые. Судя по измождённому лицу, он перенёс лишения и болезнь. Левая рука у него повреждена. Он держит её скованно, в неестественном положении. Где в тропических странах английский военный врач мог испытать столько лишений и получить ранение руки? Очевидно, в Афганистане». Вся эта цепочка рассуждений заняла меньше секунды. Затем я заметил, что вы приехали из Афганистана, и вы удивились.

— В вашем объяснении всё выглядит довольно просто, — сказал я с улыбкой. — Вы напоминаете мне Дюпена из рассказов Эдгара Аллана По. Я и не подозревал, что подобные люди существуют не только в литературе.

Шерлок Хоумс поднялся и закурил трубку.

— Вероятно, вы думаете, что делаете мне комплимент, сравнивая меня с Дюпеном, — заметил он. — Но, на мой взгляд, Дюпен был весьма посредственным человеком. Его приём — после четверти часа молчания внезапно прервать размышления друга метким замечанием, словно угадав его мысли, — весьма эффектен, но поверхностен. Несомненно, у него был некоторый аналитический талант, однако он далеко не был тем феноменом, каким его представлял По.

— А вы читали произведения Габорио? — спросил я. — Лекок соответствует вашему представлению о настоящем сыщике?

Шерлок Хоумс презрительно фыркнул.

— Лекок был жалким неумехой, — раздражённо произнёс он. — У него было только одно достоинство — энергия. Эта книга едва не довела меня до тошноты. Нужно было установить личность неизвестного арестованного. Я справился бы с этим за двадцать четыре часа. Лекоку же понадобилось около полугода. Эту книгу следовало бы превратить в учебник для сыщиков, чтобы учить их тому, чего делать не надо.

Меня несколько возмутило, что двух персонажей, которыми я восхищался, он так бесцеремонно подверг критике. Я подошёл к окну и стал смотреть на оживлённую улицу.

«Возможно, этот человек очень умён, — подумал я, — но тщеславия ему определённо не занимать».

— В наше время нет ни преступлений, ни преступников,

— раздражённо проворчал он. — Какой толк в мозгах, если моя профессия не даёт им применения? Я прекрасно знаю, что способен прославить своё имя. Никто из ныне живущих и никто из тех, кто жил прежде, не посвятил раскрытию преступлений столько знаний, труда и природного таланта, сколько я. И каков результат? Раскрывать нечего, а если и попадается какое-нибудь преступление, то это обычно настолько неуклюжее злодеяние с настолько очевидным мотивом, что даже служащий Скотленд-Ярда способен сразу всё понять.

Меня всё ещё раздражала его самодовольная манера разговаривать. Я решил, что лучше сменить тему.

— Интересно, что ищет этот человек? — спросил я, указывая на крепкого мужчину в простой одежде, который медленно шёл по противоположной стороне улицы и с беспокойством разглядывал номера домов. В руке он держал большой синий конверт и, судя по всему, нёс какое-то сообщение.

— Вы имеете в виду отставного сержанта морской пехоты, — сказал Шерлок Хоумс.

«Вот хвастовство! — подумал я. — Он прекрасно знает, что я не могу проверить его догадку».

Но едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как наблюдаемый нами человек заметил номер нашего дома и быстро перебежал через улицу. Мы услышали громкий стук в дверь, чей-то низкий голос внизу, а затем тяжёлые шаги на лестнице.

— Для мистера Шерлока Хоумса, — произнёс вошедший в комнату мужчина, протягивая моему другу письмо.

Вот он, случай сбить с него спесь! Когда Хоумс сделал свою догадку, он и не подозревал, что я смогу её проверить.

— Позвольте спросить, приятель, кем вы работаете? — самым любезным тоном произнёс я.

— Посыльный, сэр, — грубовато ответил он. — Форму отдал в починку.

— А прежде вы кем были? — спросил я, бросив на своего спутника слегка ехидный взгляд.

— Сержантом, сэр. Королевская морская пехота, лёгкой пехоты, сэр. Ответа не требуется? Хорошо, сэр.

Он щёлкнул каблуками, приложил руку к козырьку в приветствии и вышел.

Глава III. Загадка Лористон-Гарденс

Должен признаться, это новое доказательство практической ценности теорий моего товарища немало меня поразило. Моё уважение к его аналитическим способностям необычайно возросло. И всё же где-то в глубине души таилось подозрение, что вся эта сцена была заранее устроена с целью ослепить меня своим эффектом, хотя я никак не мог понять, какая ему польза от того, что он меня одурачит. Когда я взглянул на него, он уже закончил читать записку, и его глаза приобрели рассеянное, потухшее выражение, свидетельствовавшее о том, что мысли его витали где-то далеко.

— Каким образом вам это удалось вывести? — спросил я.

— Что именно? — раздражённо отозвался он.

— Ну, что этот человек был отставным сержантом морской пехоты.

— У меня нет времени на пустяки, — резко ответил он, но затем улыбнулся. — Простите за грубость. Вы прервали ход моих мыслей, хотя, пожалуй, это даже к лучшему. Неужели вы и вправду не сумели понять, что этот человек служил сержантом морской пехоты?

— Нет, нисколько.

— Узнать это было легче, чем объяснить, откуда я это

знаю. Если бы вас попросили доказать, что дважды два — четыре, вы, возможно, столкнулись бы с некоторыми трудностями, хотя в самом результате не сомневались бы. Даже с другой стороны улицы я заметил большую синюю татуировку в виде якоря на тыльной стороне его кисти. От неё веяло морем. Однако держался он по-военному, а бакенбарды у него были подстрижены по уставу. Вот вам и морской пехотинец. В нём чувствовались немалая самоуверенность и привычка повелевать. Вы наверняка обратили внимание, как он держал голову и размахивал тростью. Кроме того, с виду это был степенный, порядочный мужчина средних лет — всё это и навело меня на мысль, что он дослужился до сержанта.

— Поразительно! — воскликнул я.

— Ничего особенного, — сказал Хоумс, хотя по его лицу мне показалось, что моё нескрываемое изумление и восхищение доставили ему удовольствие. — Я только что сказал, что преступников нет. Похоже, я ошибался. Взгляните-ка!

Он протянул мне записку, которую принёс посыльный.

— Боже мой! — воскликнул я, пробежав её глазами. — Какой ужас!

— Дело и впрямь несколько необычное, — спокойно заметил он. — Не прочтёте ли вы её вслух?

Вот письмо, которое я прочёл ему:

«Дорогой мистер Шерлок Хоумс!

Сегодня ночью в доме № 3 по Лористон-Гарденс, неподалёку от Брикстон-роуд, произошло тяжёлое происшествие.

Наш патрульный заметил там около двух часов ночи свет и, поскольку дом пустовал, заподозрил неладное. Дверь оказалась открыта, а в передней комнате, совершенно лишённой мебели, он обнаружил тело хорошо одетого джентльмена. В кармане у него были визитные карточки с именем „Инох Дж. Дреббер, Кливленд, штат Огайо, США“. Ограбления не было, и никаких следов, позволяющих установить причину смерти, не обнаружено. В комнате есть пятна крови, однако на теле покойного нет ни одной раны. Мы не можем понять, как он попал в пустующий дом; словом, вся эта история представляет собой загадку. Если вы сможете приехать туда до полудня, то найдёте меня на месте. До получения от вас ответа я оставил всё in statu quo — в прежнем положении. Если приехать не удастся, я сообщу вам более подробные сведения и буду чрезвычайно признателен, если вы удостоите нас своим мнением.

Искренне ваш, Тобиас Грегсон».

— Грегсон — самый толковый из служащих Скотленд-Ярда, — заметил мой друг. — Он и Лестрейд — лучшие среди довольно посредственной компании. Оба сообразительны и энергичны, но до ужаса привержены шаблонам. К тому же они терпеть друг друга не могут. Завистливы, как две профессиональные красавицы. Если обоих направят по следу этого дела, нас ждёт немало забавного.

Я был поражён тем, с каким спокойствием он продолжал рассуждать.

— Но ведь нельзя терять ни минуты! — воскликнул я. — Может, мне пойти и заказать вам кэб?

— Ещё не решил, поеду ли. Я самый неисправимый лентяй из всех, кто когда-либо носил обувь, — по крайней мере, когда на меня находит такое настроение. Временами, впрочем, я бываю весьма проворен.

— Но ведь это именно тот случай, которого вы так долго ждали!

— Дорогой мой, какое мне до этого дело? Предположим, я распутаю всю историю. Можете не сомневаться: Грегсон, Лестрейд и компания присвоят себе всю славу. Такова участь человека, не состоящего на официальной службе.

— Но ведь он просит вас о помощи!

— Да. Он знает, что я превосхожу его, и признаёт это передо мной. Но скорее отрежет себе язык, чем признается в этом кому-нибудь третьему. Впрочем, можно и съездить, взглянуть на место. Я займусь расследованием по-своему. Если больше ничего не выйдет, хотя бы посмеюсь над ними. Пойдёмте!

Он торопливо надел пальто и засуетился с такой энергией, что стало ясно: приступ апатии сменился деятельным настроением.

— Возьмите шляпу, — сказал он.

— Вы хотите, чтобы я поехал с вами?

— Да, если у вас нет дел поважнее.

Минуту спустя мы уже мчались в кэбе по направлению к

Брикстон-роуд.

Утро выдалось туманным и пасмурным. Над крышами домов висела грязно-серая пелена, словно отражавшая цвет покрытых бурой грязью улиц внизу. Мой товарищ пребывал в превосходном расположении духа и без умолку рассуждал о скрипках из Кремоны, сравнивая Страдивари с Амати. Я же молчал: хмурая погода и мрачное дело, которым нам предстояло заняться, угнетали меня.

— Кажется, вы совсем не думаете о том деле, ради которого мы едем, — наконец сказал я, прервав музыкальные рассуждения Хоумса.

— Пока нет исходных данных, — ответил он. — Строить теории, не собрав всех доказательств, — грубейшая ошибка. Это предвзято настраивает ум.

— Скоро у вас появятся необходимые сведения, — заметил я, указывая пальцем. — Вот Брикстон-роуд, а вон и дом, если я не ошибаюсь.

— Совершенно верно. Стой, кучер, стой!

Мы находились ещё примерно в сотне ярдов от дома, но Хоумс настоял на том, чтобы мы вышли, и остаток пути проделали пешком.

Дом № 3 по Лористон-Гарденс выглядел зловеще и словно предвещал беду. Он стоял чуть поодаль от улицы вместе с тремя соседними домами, два из них были заняты, а два пустовали. В пустых домах зияли три ряда унылых окон, безжизненных и мрачных. Лишь кое-где на мутных стёклах, по-

добно бельмам, проступали объявления «Сдаётся». Каждый дом отделял от улицы небольшой садик, в котором редкими пятнами росли чахлые растения. Через него вела узкая желтоватая дорожка, по виду состоявшая из смеси глины и гравия. После ночного дождя всё вокруг раскисло и превратилось в грязь. Сад окружала кирпичная стена высотой около трёх футов, увенчанная деревянной решёткой. У стены стоял крепкий полицейский констебль, а вокруг него теснилась небольшая кучка зевак, вытягивавших шеи и напряжённо вглядывавшихся в надежде хоть краем глаза увидеть, что происходит внутри.

Я полагал, что Шерлок Хоумс немедленно бросится в дом и приступит к изучению загадки. Но, казалось, ничто не могло быть дальше от его намерений. С видом беззаботности, который в подобных обстоятельствах показался мне почти нарочитым, он расхаживал по тротуару, рассеянно глядя то на землю, то на небо, то на дома напротив, то на ряд ограды. Закончив осмотр, он медленно двинулся по дорожке — вернее, по полоске травы вдоль неё, — не отрывая взгляда от земли. Дважды он останавливался, а однажды я заметил, как он улыбнулся и тихо воскликнул от удовлетворения. На мокрой глинистой почве виднелось множество следов, но полицейские уже не раз проходили здесь туда и обратно, и я не понимал, как мой товарищ надеется что-либо из них извлечь. И всё же я уже получил столь необычайные доказательства остроты его восприятия, что не сомневался: он за-

мечает многое из того, что от меня скрыто.

У входа в дом нас встретил высокий бледнолицый мужчина со светлыми льняными волосами и записной книжкой в руке. Он поспешил к нам и с горячностью пожал моему товарищу руку.

— Очень любезно с вашей стороны приехать, — сказал он. — Я распорядился, чтобы здесь ничего не трогали.

— Кроме вот этого! — ответил мой друг, указывая на дорожку. — Будто стадо буйволов прошло! Впрочем, не сомневаюсь, Грегсон, что вы успели сделать собственные выводы, прежде чем допустили такое безобразие.

— У меня было столько дел внутри дома, — уклончиво ответил сыщик. — Здесь мой коллега, мистер Лестрейд. Я рассчитывал, что он проследит за этим.

Хоумс взглянул на меня и насмешливо приподнял брови.

— Когда на месте работают такие люди, как вы с Лестрейдом, третьему лицу вряд ли удастся что-нибудь обнаружить, — заметил он.

Грегсон самодовольно потёр руки.

— Думаю, мы сделали всё, что было в наших силах, — ответил он. — Хотя дело странное, а я знаю, что подобные загадки вам по душе.

— Вы приехали не на кэбе? — спросил Шерлок Хоумс.

— Нет, сэр.

— И Лестрейд тоже?

— Нет, сэр.

— Тогда пойдёмте осмотрим комнату.

С этим замечанием, не слишком связанным с предыдущим разговором, он решительно вошёл в дом. Грегсон последовал за ним, не скрывая изумления.

Кухня и подсобные помещения находились в конце короткого коридора с голыми досками пола, покрытыми пылью. Слева и справа располагались две двери. Одну, судя по всему, не открывали уже много недель. Другая вела в столовую — именно там и произошло загадочное событие. Хоумс вошёл, и я последовал за ним с тем невольным душевным трепетом, который всегда вызывает присутствие смерти.

Это была большая квадратная комната, казавшаяся ещё просторнее из-за отсутствия мебели. Стены украшали кричаще яркие обои, местами покрытые пятнами плесени. Кое-где широкие полосы бумаги отстали и свисали вниз, обнажая жёлтую штукатурку. Напротив двери находился вычурный камин, над которым возвышалась полка из искусственного белого мрамора. На одном её углу торчал огарок красной восковой свечи. Единственное окно было настолько грязным, что свет проникал сквозь него мутный и неясный, придавая всему сероватый оттенок. Его усиливал толстый слой пыли, покрывавший всю комнату.

Все эти подробности я заметил позднее. В тот миг всё моё внимание было приковано к единственной неподвижной, жуткой фигуре, распростёртой на дощатом полу. Пустые невидящие глаза уставились в потолок, покрытый пят-

нами. Перед нами лежал мужчина лет сорока трёх или сорока четырёх, среднего роста, широкоплечий, с густыми вьющимися чёрными волосами и короткой щетинистой бородой. На нём были тяжёлое пальто из добротного сукна и жилет, светлые брюки, безукоризненно чистые воротничок и манжеты. Рядом на полу лежал цилиндр — тщательно вычищенный, в отличном состоянии. Руки покойного были сжаты в кулаки и раскинуты в стороны, а ноги переплетены так, словно предсмертная борьба была мучительной. На застывшем лице застыло выражение ужаса и, как мне показалось, ненависти — такого выражения я никогда прежде не видел на человеческом лице. Эта злобная, страшная гримаса в сочетании с низким лбом, тупым носом и выступающей вперёд челюстью придавала мертвецу необычайно обезьянье сходство, которое ещё усиливала его скрюченная, неестественная поза. Мне доводилось видеть смерть во многих обличьях, но никогда она не казалась мне столь ужасной, как в этой тёмной, грязной комнате, выходившей на одну из главных магистралей лондонского пригорода.

У дверей стоял Лестрейд — всё такой же худой, похожий на хорька. Он поприветствовал меня и моего товарища.

— Это дело наделает шума, сэр, — заметил он. — Ничего подобного я ещё не видел, а я, между прочим, далеко не новичок.

— Ни одной зацепки? — спросил Грегсон.

— Ни малейшей, — подтвердил Лестрейд.

Шерлок Хоумс подошёл к телу и, опустившись на колени, внимательно его осмотрел.

— Вы уверены, что раны нет? — спросил он, указывая на многочисленные капли и брызги крови вокруг.

— Совершенно уверены! — в один голос ответили оба сыщика.

— Тогда, разумеется, эта кровь принадлежит другому человеку — вероятно, убийце, если здесь действительно совершено убийство. Это напоминает мне обстоятельства смерти Ван Янсена в Утрехте в тридцать четвёртом году. Помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Почитайте о нём. Вам следовало бы. Ничто не ново под солнцем. Всё это уже случалось прежде.

Говоря это, он проворно ощупывал тело, нажимал на разные места, расстёгивал одежду и осматривал её, а глаза его сохраняли то самое отрешённое выражение, которое я уже замечал ранее. Осмотр был проведён так быстро, что трудно было бы представить, насколько тщательно он всё проверил. Наконец он понюхал губы покойного, а затем взглянул на подошвы его лакированных ботинок.

— Его совсем не перемещали? — спросил он.

— Только настолько, насколько это было необходимо для осмотра.

— Теперь можете отвезти его в морг, — сказал Хоумс. — Больше здесь ничего не узнать.

У Грегсона уже были наготове носилки и четверо носильщиков. По его зову они вошли в комнату, подняли незнакомца и вынесли его наружу. Когда тело приподняли, на пол со звоном упало кольцо и покатилось по доскам. Лестрейд быстро схватил его и с недоумением уставился на находку.

— Здесь была женщина! — воскликнул он. — Это обручальное кольцо женщины.

Он протянул кольцо на ладони. Мы все собрались вокруг и стали его разглядывать. Не оставалось сомнений: это простое золотое колечко когда-то украшало палец невесты.

— Теперь дело стало ещё запутаннее, — сказал Грегсон. — Хотя, казалось бы, куда уж больше.

— А вы уверены, что оно не проясняет ситуацию? — заметил Хоумс. — Глядеть на кольцо бесполезно. Что вы нашли в его карманах?

— Вот всё, что мы обнаружили, — ответил Грегсон, указывая на груду предметов на одной из нижних ступенек лестницы. — Золотые часы № 97163 работы лондонского мастера Барро. Очень массивная и прочная золотая цепочка для часов, с подвеской «Альберт». Золотое кольцо с масонским знаком. Золотая булавка в виде бульдожьей головы, глаза которой сделаны из рубинов. Визитница из русской кожи с карточками Иноха Дж. Дреббера из Кливленда, имя совпадает с инициалами E. J. D. на белье. Кошелька нет, но при нём было наличными семь фунтов тринадцать шиллингов. Карманное издание «Декамерона» Боккаччо, на форзаце которого

написано имя Джозефа Стангерсона. Два письма: одно адресовано И. Дж. Дребберу, другое — Джозефу Стангерсону.

— На какой адрес?

— В Американскую биржу на Стрэнде, до востребования. Оба письма от пароходной компании «Гуйон» и касаются отправления её судов из Ливерпуля. Очевидно, этот несчастный собирался вернуться в Нью-Йорк.

— Вы наводили справки о Стангерсоне?

— Немедленно, сэр, — ответил Грегсон. — Я распорядился разослать объявления во все газеты, а одного из моих людей отправил в Американскую биржу. Он пока не вернулся.

— Запрашивали Кливленд?

— Сегодня утром мы отправили телеграмму.

— Как именно вы сформулировали запрос?

— Просто изложили обстоятельства и попросили сообщить любые сведения, которые могли бы помочь расследованию.

— Вы не уточнили ничего из того, что показалось вам особенно важным?

— Я спрашивал о Стангерсоне.

— И больше ни о чём? Разве нет обстоятельства, от которого зависит всё дело? Не отправить ли вам ещё одну телеграмму?

— Я уже сказал всё, что хотел сказать, — обиженно ответил Грегсон.

Шерлок Хоумс тихонько усмехнулся и, казалось, собирал-

ся что-то заметить, но тут снова появился Лестрейд, до этого находившийся в передней комнате, пока мы беседовали в коридоре. Он потирал руки с напыщенным, самодовольным видом.

— Мистер Грегсон, — объявил он, — я только что сделал чрезвычайно важное открытие. Оно осталось бы незамеченным, если бы я не осмотрел стены самым тщательным образом.

Глаза маленького сыщика заблестели. Было очевидно, что он едва сдерживает торжество: ему удалось одержать верх над коллегой.

— Идите сюда, — сказал он, торопливо возвращаясь в комнату, которая после выноса жуткого покойника казалась просторнее и светлее. — Теперь встаньте вот здесь!

Он чиркнул спичкой о подошву сапога и поднёс её к стене.

— Посмотрите на это! — торжествующе воскликнул он.

Я уже упоминал, что в некоторых местах обои отстали от стен. В этом углу комнаты отслоился большой кусок, обнажив жёлтый квадрат грубой штукатурки. На оголившейся поверхности красными, словно кровавыми, буквами было выведено одно-единственное слово:

RACHE.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.